

Д.А. Ананьев*

D.A. Anan'ev*

Женщины в ссылке и на каторге в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.): взгляд англо-американских исследователей

Women in Exile and Katorga in Siberia and the Russian Far East (2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries): Anglo-American Researchers' Perspective

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-21

УДК 930 (57) "15/19"

Выходные данные для цитирования:

Ананьев Д.А. Женщины в ссылке и на каторге в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.): взгляд англо-американских исследователей // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 21. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-21.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-21

How to cite:

Anan'ev D.A. Women in Exile and Katorga in Siberia and the Russian Far East (2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries): Anglo-American Researchers' Perspective // Historical Courier, 2019, # 3 (5). Article 21. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-21.pdf>

Abstract. The article gives an overview of the works of Anglo-American specialists who wrote about difficulties of women's survival in Siberian exile and katorga in the second half of the 19th – early 20th centuries; evaluates their contribution to the study of this topic; determines to what extent their theoretical and methodological approaches can be used by Russian researchers. It is established that in their studies on the history of Siberian exile and penal labour during the pre-revolutionary period the British and American historians place greater focus on gender issues. Based on a wide range of historical sources (first of all, ego-documents) and using the theoretical and methodological tools of such interdisciplinary research areas as “history of women”, “history of family”, “gender studies”, “historical penology” Anglo-American researchers presented changes in penitentiary system of Siberia and associated power relations through the everyday life of female exiles and their family members (“history from below”) (S. Badcock, D. Beer). Researchers compared the legal and actual status of women sent to Siberia either by court decisions or extrajudicially; studied biographies of famous participants of revolutionary movement and at the same time called to “hear the voices” of the majority of “ordinary” exiles, both criminals and those who were exiled to Siberia by administrative process (Ph. Desind, K. Turton, A. Gentes); analyzed measures of imperial and local authorities aimed at strengthening the institution of family and gender hierarchy as pillars of patriarchal state; traced changes in gender norms and relations under conditions of Siberian exile (A. Schraeder). It appears that theoretical and methodological approaches proposed by Western researchers can be applied by Russian specialists who study various problems of history of Siberian exile and penal labour.

Keywords: Western historiography; history of Siberia; exile to Siberia; penal labour; political exiles.

The article has been received by the editor on 05.02.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрены основные работы зарубежных исследователей сибирского областничества (представителей американской, канадской и немецкой историографии), оценивается их вклад в изучение темы. Установлено, что в работах англо- и немецкоязычных исследователей (Г. Хэнсона, Д. фон Мореншильдта, Н. Перейры и др.), в значительной мере усвоивших достижения отечественной историографии, а в последние десятилетия – активно

* **Ананьев Денис Анатольевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: denis.ananyev@gmail.com

Anan'ev Denis Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), e-mail: denis.ananyev@gmail.com

работавших в российских архивах, рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей сибирского областничества (от зарождения идеологии течения и деятельности сибирских кружков в 1860-х гг. до активного участия областников в революционных событиях начала XX в.). В работах зарубежных историков анализировалось и уточнялось содержание таких понятий как «регионализм», «региональное сознание», «региональная идентичность»; обстоятельному разбору взгляды областников на правительственную политику в отношении региона, характер эксплуатации природных ресурсов, проблемы русско-аборигенных отношений, роль каторги и ссылки в жизни региона. Анализируя эволюцию воззрений областников (от более радикальных («сепаратистских») – в начале, до умеренно-либеральных – в конце рассматриваемого периода), западные исследователи опирались на теории «фронтиса» и «регионализма» (С. Уотрус, В. Фауст), «колонизации» и «колониализма», а также концепции, связанные с «культурным» и «пространственным поворотом» в исторической науке конца XX – начала XXI в. (С. Штух, Д. Рэйнбоу) Для зарубежных историков характерно представление о выдающейся роли, которую играло сибирское областничество в культурной и общественно-политической жизни региона. Признавая, что не все из поставленных областниками целей были достигнуты, западные исследователи все же убеждены, что изменения, происходившие в Сибири на рубеже XIX–XX вв. и способствовавшие ее вступлению на путь современного развития, были во многом заслугой и результатом деятельности «сибирских патриотов».

Ключевые слова: западная историография; история Сибири; ссылка в Сибирь; каторга; политические ссылки.

* * *

Для современного западного сибиреведения характерен повышенный интерес к истории ссылки и каторги в «позднеимперский период», когда пенитенциарная система Сибири и Дальнего Востока переживала острый кризис. О росте исследовательского интереса к данной теме, в частности, свидетельствуют недавно опубликованные монографии американского историка Э. Гентеса, британских исследователей С. Бэдкок и Д. Бира¹. При этом все более заметное место в работах англо-американских авторов занимает категория «гендера», особое внимание уделяется проблемам «истории женщин», оказавшихся в ссылке и на каторге.

Обращение англо-американских сибиреведов к изучению проблем пенологии и «истории женщин» является отражением общих тенденций, характерных для западной исторической науки последней трети XX – начала XXI в. Так, в период расцвета социальной истории в 1970–1980-х гг. западные историки анализировали широкий круг проблем, связанных с «историей женщин» в дореволюционной России². В центре внимания оказались такие вопросы как угнетение женщин, сущность и истоки патриархальной власти, особенности женского мировоззрения, борьба женщин за свои права и их участие в революционном движении. С конца 1980-х гг. активно разрабатывается направление «гендерной истории», представители которого подчеркивают социальный характер конструирования гендерных норм, ролей и стереотипов. В рамках «новой культурной истории» развивается «историческая пенология», позволяющая рассмотреть проблемы функционирования уголовно-исполнительной системы в различные исторические периоды с учетом сопутствующего политико-экономического и социокультурного контекста³.

¹ *Gentes A.* Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. New York, 2008; *Idem.* Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61. New York, 2010; *Badcock S.* A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford, 2016; *Beer D.* The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. L., 2017.

² См.: *Большакова О.В.* История России в гендерном измерении: современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М., 2010. С. 6.

³ *Васильева С.А., Эрлихсон И.М.* «Новая культурная история» (о перспективах методологии «интеллектуальной истории» и «истории социальных практик» в междисциплинарных историко-пенологических исследованиях) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 49–56.

Цель данной статьи – проанализировать работы современных англо-американских специалистов, писавших о трудностях выживания женщин в условиях сибирской ссылки и каторги во второй половине XIX – начале XX в.; охарактеризовать их вклад в разработку темы.

В XX в., несмотря на распространенное на Западе представление о дореволюционной Сибири как крае каторжных и ссыльных, специальные исследования, призванные установить, насколько такой образ региона соответствовал действительности, долгое время не публиковались. В США в начале 1970-х гг. одним из первых профессиональных историков, обратившихся к изучению данной темы, стал Дж. Стефан, сотрудник Гавайского университета, автор монографии по истории Сахалина⁴. В своем исследовании он опирался на источники, опубликованные на китайском, немецком, французском, польском, английском языках; работал в библиотеках и архивах СССР, США, Великобритании, Японии.

В разделе, посвященном истории Сахалинской каторги, Дж. Стефан, основываясь на сведениях из публикаций А.П. Чехова, Н.Я. Новомбергского, Н.С. Лобаса и др., охарактеризовал положение женщин, составлявших ок. 10 % всего ссыльного населения острова. На пароходах ссыльные женщины прибывали в пост Александровский, где чиновники из тюремной администрации выбирали наиболее здоровых и привлекательных из них, чтобы использовать в качестве домашней прислуги и кухарок; других отдавали охранникам и мелким служащим. Третья, и самая большая, группа распределялась в качестве «сожительниц» среди ссыльнопоселенцев, которые заблаговременно обращались к властям с соответствующей просьбой. С 1893 г. распределение женщин среди ссыльных в качестве «наград» за хорошее поведение осуществлялось в официальном порядке.

В монографии подчеркивается, что в условиях гендерного дисбаланса женщины не просто пользовались «повышенным спросом» у мужчин, но превращались в объект сексуальной эксплуатации, становились жертвами самого бесчеловечного обращения. Парадоксальным образом, ссыльные женщины в целом жили лучше тех, кто приезжал по собственной воле («добровольных»). Первые получали одежду и еду от тюремной администрации в течение всего срока отбывания наказания; вторые ни на что из перечисленного рассчитывать не могли. Отсутствие иных способов заработка и возможностей прокормить семью вынуждали многих женщин к занятию проституцией. Ссылаясь на свидетельства современников и очевидцев, Дж. Стефан отмечает, что главными жертвами такого положения дел становились дети; многие из них в итоге повторяли путь, пройденный матерями и отцами, и превращались в преступников, зачастую более жестоких и отчаянных, чем родители.

В 1980-х – начале 1990-х гг. в англо-американской историографии единственным исследователем, опубликовавшим серию специальных работ по истории пенитенциарной системы Сибири «позднеимперского» периода, стал британский историк Алан Вуд⁵. Не имея возможности использовать документальные материалы из советских архивов, он привлекал сведения, содержащиеся в официальных изданиях⁶, трудах дореволюционных (Н.М. Ядринцев, С.В. Максимов и др.) и советских (А.Д. Колесников, А.Д. Марголис и др.) авторов⁷. В опубликованном в 1984 г. очерке истории сибирской ссылки А. Вуд указывает,

⁴ *Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971.*

⁵ *Wood A. Siberian exile in tsarist Russia // History today. 1980. Vol. 30. September. P. 19–24; Idem. The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia // Irish Slavonic Studies, 6 (1985). P. 65–81; Idem. The Siberian Criminals' Commune // Sibirica IV. 1989. P. 40–44; Idem. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. New York, 1990. P. 395–414.*

⁶ См., например: *Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения (Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки). СПб., 1900.*

⁷ *Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С.38–59; Максимов С.В. Сибирь и каторга: В 3-х ч. СПб., 1871; Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 223–237; Он же. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 126–140.*

что гендерный дисбаланс (доля женщин в составе ссыльного населения редко превышала 10 %) и сексуальная эксплуатация ссыльных женщин были повсеместными явлениями в Сибири⁸. Ситуацию с половой диспропорцией не помогли исправить и правительственные указы 1820–1830-х гг., предусматривавшие отправку крестьянских и мещанских жен в ссылку вслед за мужьями.

В новейшей англоязычной историографии проблемы истории пенитенциарной системы Сибири разрабатывает американский историк Э. Гентес, защитивший в 2001 г. диссертацию в Университете Брауна (шт. Род-Айленд)⁹. Его работа стала первым в англоязычной историографии исследованием, охватывающим весь период существования сибирской ссылки в царской России, т. е. с конца XVI в. до 1917 г. В своем исследовании Э. Гентес опирался на обширный документальный материал из фондов российских центральных (ГАРФ, ЦГАЛИ) и местных (ГАИО, ГАПК, РГИА ДВ) архивов, работы отечественных историков (Л.М. Горюшкина, Н.П. Митиной, Л.П. Рощевской и др.). В центре его внимания – система управления сибирской ссылкой и состав ссыльного населения.

Историк подчеркивает, что правительство демонстрировало двойственное отношение к ссыльным, воспринимая их и как рабочую силу (для использования на каторге), и как колонистов (для заселения и освоения огромных пространств Азиатской России), что отражало растущий разрыв между «анахроничным государством и медленно модернизирующимся обществом».

Особое внимание Э. Гентес уделяет анализу положения осужденных женщин. Так, отдельный параграф диссертации посвящен подробно рассказу о том, как в 1878 г. по распоряжению МВД женщины, содержащиеся в Александровской центральной каторжной тюрьме, были переведены в Приамурье и на Сахалин, где главной целью властей было создание штрафной колонии¹⁰. Инициатором данной меры был А.Е. Тимашев – незадолго до того, как покинул должность главы МВД в ноябре 1878 г.

В 1880 г. в письме генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враской, контролировавший проведение операции, объяснил, чем было продиктовано данное решение. По его словам, одним из главных препятствий к обустройству ссыльных в качестве колонистов являлось незначительное количество женщин в сравнении с числом осужденных мужчин.

На этом основании Э. Гентес делает вывод, что давняя практика отправки женщин в Сибирь в качестве “переведенцев” и ссыльных, а также покупки женщин и девушек в качестве жен, прислуги и рабынь, хотя и замалчивалась, но сохранялась до конца существования “старого режима”, поскольку администрация настаивала на том, что главным препятствием для удержания ссыльных мужчин в «местах причисления» было отсутствие женщин. Следует, впрочем, учитывать, что Россия не была уникальна в своих попытках найти осужденным женщинам такое применение. Аналогичные явления имели место, например, в Австралии¹¹. Как и в царской России, в викторианской Англии полагали, что

⁸ Wood A. Sex and Violence in Siberia: Aspects of Tsarist Exile System // Siberia: two historical perspectives. London: Great Britain-USSR Association and the School of Slavonic and East European Studies, 1984.

⁹ Gentes A. Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, 2002; Gentes A.A. Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia // Ab Imperio. 2003. No. 2. P.115–137; Idem. “Licentious Girls” and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the Late Sixteenth to the Early Nineteenth Centuries // Sibirica. Vol. 3. 2003. No. 1. P. 3–20; Idem. Katonga: Penal Labor and Tsarist Siberia // The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East. Frankfurt am Main, 2005. P. 73–85; Idem. Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. New York, 2008; Idem. Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61. New York, 2010.

¹⁰ Gentes A. Roads to Oblivion... P. 444–449.

¹¹ Hughes R. The Fatal Shore. New York: a history of the transportation of convicts to Australia, 1787–1868. Knopf, 1987.

само присутствие женщин, независимо от их рода занятий, оказывает облагораживающее влияние на «диких зверей», коими считались каторжники.

Американский историк замечает, что даже если «операция», начавшаяся в 1878 г., по сути, не была чем-то новым, она была, по-видимому, самым масштабной с точки зрения количества женщин, которых определили в «невесты» для осужденных. Ее выполнение было возложено на Главное управление Восточной Сибири (далее – ГУВС) и Иркутское общее губернское управление (далее – ИОГУ). Анализ делопроизводственных материалов показывает, что переправка каторжниц на Сахалин осуществлялась с заминками и задержками, и в итоге местные власти оставили большую часть женщин на континенте.

Как позже признавался Д.Г. Анучин, чиновники его ведомства, как правило, испытывали сочувствие и симпатию к таким женщинам и старались уберечь их от столь тяжелой участи. Так, в мае 1880 г. в Благовещенске были оставлены 44 женщины из 66, предназначенных для отправки в Николаевск-на-Амуре. Сходным образом, в ноябре 1881 г. Читинское полицейское управление проинформировало Д.Г. Анучина, что с начала января оно направило с Кары на Дальний Восток всего 55 каторжниц. Согласно данным из отчета ГУВС, в 1881 г. в Благовещенск прибыло 54 женщины, из них в Приморье отправились только 16. Однако Совет ГУВС сообщил, что благовещенские чиновники оставили 57 % от прибывших женщин «для услуг» (якобы получив на это разрешение от самого императора). Официально действия местных властей объяснялись заботой о здоровье женщин; однако, по мнению Э. Гентеса, многие чиновники преследовали более эгоистичные цели, а понятие «для услуг» – эвфемизм для термина «проституция».

Впрочем, Э. Гентес признает, что в целом попытки правительства увеличить численность женского населения Сахалина были довольно успешными. К сентябрю 1883 г. женщины составили около четверти всего каторжного населения острова (1546 чел.), хотя основную их массу доставляли пароходами из Одессы, а не из Восточной Сибири, где каторжанок практически не осталось.

Характеризуя положение женщин (как и всего ссыльного населения) на Сахалине, Э. Гентес указывает на тщетные усилия начальника каторги в Дуэ полковника Н.Т. Ведерникова добиться в 1876 г. разрешения на строительство отдельной женской тюрьмы; сообщает о плохом продовольственном снабжении острова, распространении инфекционных заболеваний, безработице¹². Несмотря на очень высокий процент женщин, вовлеченных в занятие проституцией, историк замечает, что не всех из них следует считать жертвами обстоятельств. Многие сумели даже в этих условиях выстоять и поддержать своих близких. При этом американский исследователь ссылается на аналогичные примеры в других странах, когда рабы и прочие бесправные группы населения создавали автономные пространства, внутри которых могли принимать самостоятельные решения¹³.

В 1990–2000-х гг. проблемы «истории женщин», оказавшихся в сибирской ссылке и на каторге в дореволюционный период, изучали Ф. Дессинд¹⁴, К. Тертон, Э. Шредер. В одном из разделов книги Ф. Дессинда, которая, по определению А. Гайфман, «представляет собой попытку публикации источника и исторического повествования под одной обложкой»¹⁵, впервые в англоязычной историографии подробно описывается история жизни сестер

¹² *Gentes A.A. Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia // Ab Imperio. 2003. No. 2. P. 115–137.*

¹³ Ср., напр.: *Afkhami M. (ed.). Women in Exile. Charlottesville: University Press of Virginia; Morgan P.D. Work and Culture: the Task System and the World of Lowcountry Blacks, 1700 to 1880 // Katz S.N., et al. (eds). Colonial America: Essays in Politics and Social Development, 4th ed. N.Y., 1993. P. 486–523.*

¹⁴ *Desind Ph. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917. Lewiston, NY: Edward Mellen Press, 1991.*

¹⁵ *Geifman A. Rec. ad op.: Desind Ph. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917. Lewiston, NY: Edward Mellen Press, 1991. 494 p. // The Russian Review. Vol. 52. 1993, No. 3. P. 428–429.*

Е.А. и А.А. Измайлович – дворянок (из семьи офицера-артиллериста), ставших членами партии эсеров и горячо поддерживавших ее террористическую тактику¹⁶.

А.А. Измайлович оказалась в числе тех политических ссыльных, кто встретил в Сибири сравнительно мягкое обращение со стороны местных властей и населения. К ней и ее товарищам хорошо относилась охрана (им, в частности, разрешалось читать книги и курить, что не дозволялось уголовникам); в Акатуе их тепло приветствовали жители и ссыльные, исполнившие при встрече «Марсельезу». Персонал тюрьмы интересовался у женщин, хорошо ли они устроились на месте, и предлагал дополнительную помощь. Впрочем, Ф. Десинд замечает, что не следует преуменьшать суровость наказаний, которые применялись в отношении революционеров в царской России. В конечном счете, их отрывали от семей, работы, родственников, вынуждали жить в непривычных и суровых условиях. К тому же, обращение со стороны полиции и охраны могло быть совершенно иным, о чем свидетельствовала, например, судьба М.А. Спиридоновой, также описанная Ф. Дессиндом.

В 2007 г. известный американский историк-русист Эбби Шредер (сотрудница Колледжа Франклина и Маршалла в шт. Пенсильвания) опубликовала статью, в которой утверждается, что «гендерный фактор» играл ключевую роль в попытках властей использовать ссыльных для заселения и освоения Сибири в XIX в.¹⁷ Опираясь преимущественно на архивные источники, хранящиеся в РГИА (делопроизводственные материалы, губернаторские отчеты, переписку центральных и местных учреждений и др.), американская исследовательница показала, что огромное значение в этом процессе столичные и сибирские чиновники придавали женщинам: их воспринимали как «проводников цивилизации» – в той мере, в какой они соответствовали идеализированным представлениям о гендерных ролях в российском социуме и могли путем создания брачных союзов способствовать превращению «непокорных преступников в морально устойчивых, оседлых крестьян».

Используя теоретический инструментарий «культурной истории», Э. Шредер пишет о том, что правительственная политика в Сибири была направлена на изменение или формирование «идентичности» подданных (и, в частности, ссыльного населения). Так, в 1822 г. М.М. Сперанский, усомнившись в том, что «сибирские инородцы» когда-либо смогут стать частью русского народа, даже если будут обращены в православную веру, и одновременно запретив их принудительную христианизацию и перевод на оседлый образ жизни, предписал превращать в колонистов представителей ссыльного населения. Как замечает по этому поводу Э. Шредер, «это лишь одна из глав в долгой истории “русской социальной инженерии”». Главной целью реформатора была реабилитация осужденных и превращение их в производительных земледельцев. Не рассчитывая на приток добровольных переселенцев, М.М. Сперанский сделал ставку на расширение системы ссылки, хотя еще до реформы 1822 г. местные власти просили уменьшить число ссыльных, тем более что многие из них совершали побег, не желали обзаводиться хозяйством и совершали различные преступления.

Примечательно, что, видя в женщинах один из инструментов колонизации, власти воспринимали их не как индивидов, а как обобщенные типы – «положительный» и «отрицательный», предполагая сближение ссыльных мужчин с первым, и препятствуя контактам со вторым. Задолго до М.М. Сперанского местные власти требовали этапировать в Сибирь мужчин и женщин раздельно, но сделано это было только в 1826 г. Для жен ссыльных было сделано исключение – они следовали в ссылку вместе с мужьями, что часто приводило к соперничеству между мужчинами и послужило одной из главных причин всех преступлений, совершаемых ссыльными. Нередкими были убийства мужей, иногда в сговоре

¹⁶ 22 января 1906 г. Екатерина Измайлович ранила адмирала Г.П. Чухнина, ответственного за подавление восстания на «Очакове». Она была сразу казнена, а ее сестра Александра за покушение на минского губернатора П.Г. Курлова была приговорена к бессрочной каторге.

¹⁷ *Schraeder A. Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860 // Slavic Review. Vol. 66. 2007, No. 2. P. 230–256.*

с женами. Парадоксально, но власти содействовали заключению браков между ссыльными, веря в способность женщин создавать благополучные семьи, хотя речь при этом могли идти о закоренелых преступницах, совершавших побег, кражи, убийства и вообще отличавшихся крайне аморальным поведением.

Главным препятствием на пути реализации своих планов сибирские администраторы считали гендерный дисбаланс, особенно заметный среди ссылокаторжных в Восточной Сибири: здесь соотношение между мужчинами и женщинами могло составлять 5:1 и даже 10:1. Местные власти обращались к правительству с просьбами ссылать меньше мужчин и больше – женщин, добивались разрешения для жительниц местных старожильческих деревень выходить замуж за ссыльных, что не предусматривалось законодательством 1822 г. Власти не препятствовали таким брачным союзам, в большей степени следуя духу закона, а не его букве. Изучив документы за 1825–1859 гг., Э. Шредер не встретила ни одного случая, когда местная администрация возражала бы против браков, заключавшихся между ссыльными мужчинами и свободными сибирячками. В 1860 г. Государственный Совет назвал такие браки незаконными, но жесткого запрета вновь не последовало.

Другим препятствием являлось нежелание родителей отдавать своих дочерей за ссыльных. Изданные в 1830-х гг. в Восточной Сибири указы о денежных выплатах родителям за согласие на такие браки оказались малоэффективными. Более того, в 1860 г. сибирские генерал-губернаторы предложили ввести трехлетний «испытательный срок» для молодых семей, чтобы избежать заключения фиктивных браков, продиктованных одним лишь стремлением получить и разделить между собой денежные суммы.

В то же время местные власти не приветствовали браки ссыльных с представительницами коренного населения Сибири, опасаясь метисации и «обынородчивания». Во избежание правовых коллизий чиновники старались не допускать браков беглых крепостных с местными женщинами «свободного состояния» (крепостным запрещалось жениться – сначала в течение двух, а затем семи лет после того, как их этапировали в Сибирь); боролись с многоженством. Кроме того, чиновников беспокоила участь тех мужчин, за кем жены не последовали в ссылку. Как правило, таким ссыльным разрешалось создавать новые семьи, даже если не было возможности официально расторгнуть предыдущий брак. Вместе с тем, приговоренным к каторжным работам женщинам выходить замуж за местных жителей запрещалось. Как замечает по этому поводу Э. Шредер, власти значительно больше заботились о ссыльных мужчинах, чем о женщинах.

Таким образом, проанализировав проекты сибирских администраторов XIX в., Э. Шредер пришла к выводу, что, власти воспринимали женщин как силу, способную примирить «противоположные импульсы, исходившие от системы наказаний»: с одной стороны, ссыльные таили в себе угрозу и заслуживали наказания; с другой – их надлежало реинтегрировать в социум, в соответствии с их социальным статусом. Предписывая женщинам функцию «приобщения мужчин к семейной жизни», власти пытались разрешить или, по крайней мере, завуалировать трения, созданные этими «конфликтующими репрезентациями». В свою очередь, ссыльные мужчины воспринимались как «негативная сила», поскольку, будучи неженатыми и отчужденными от социума, создавали угрозу общественному порядку. Заключая «правильные браки» с «правильными» женщинами, мужчины-преступники становились покорными и, следовательно, полезными с точки зрения реализации масштабного проекта заселения Сибири, тем самым помогая решать задачи имперской экспансии.

По мнению Э. Шредер, в российском обществе распространенным было представление о том, что женщины способствуют формированию «мужской идентичности». По этой причине им отводилась центральная роль в деле обустройства ссыльных, и одновременно не принимались во внимание негативные последствия, которые имели браки с ссыльными для самих женщин. Наконец, придавая такое значение способности женщин социализовать ссыльных мужчин, власти снимали с себя значительную долю ответственности и не стремились совершенствовать систему наказаний. Вместе с тем, как заключает

исследовательница, уже в силу своей немногочисленности, женское население Сибири оказалось не способно выполнить «цивилизаторскую миссию» и способствовать заселению региона в той мере, в какой на это рассчитывало государство.

Британская исследовательница Кэти Тертон (сотрудница Университета Квинс в Белфасте) в своих работах стремится установить, какую роль в жизни российских революционеров играли члены их семей, и насколько важна была их помощь и поддержка, прежде всего, для тех деятелей революционного движения, кто оказался в тюрьме, на каторге или в ссылке в конце XIX – начале XX в.¹⁸ К. Тертон широко привлекала сведения из работ зарубежных и отечественных историков, использовала архивные материалы, хранящиеся в ГАРФ и РГАСПИ; но, в первую очередь, изучала эго-документы – воспоминания, автобиографии, переписку ссыльных революционеров (З.П. Кржижановской-Невзоровой, Е.Д. Стасовой, Ц.С. Бобровской, П.А. Моисеенко, Е.Л. Бройдо, Ю.О. Мартова, Л.Г. Дейча, Н.К. Крупской, Ф.И. Рыковой, К.Т. Свердловой-Новгородцевой и др.).

К. Тертон отмечает, что в западной историографии авторы обобщающих исследований (например, Дж. Кип, У.Б. Линкольн, А. Гайфман)¹⁹, посвященных революционному движению, обычно не признают роль семейных связей, полагая, что, во-первых, революционеры на практике реализовывали требование отсечь все семейные узы и всецело посвятить себя революционной борьбе, и, во-вторых, что даже если семейные отношения сохранялись или возникали, они все же имели второстепенное значение. При этом историки часто утверждают, что многие революционеры в своих мемуарах не признают роль семей и не дают достаточного материала для исследований.

Представители другого историографического направления (Б. Клеменс, А. Хилльяр, Р. Стайтс – авторы биографических и просопографических исследований, посвященных женщинам-революционеркам)²⁰ признают, что для точного описания жизни партийных «агентов» следует учитывать такой фактор как забота и помощь членов семей – в первую очередь, матерей и жен. Следуя данному призыву, К. Тертон в своих публикациях показывает, с какими вызовами и проблемами сталкивались политические ссыльные, и как их родственники помогали им выстоять и вернуться к революционной борьбе.

Во многих ситуациях члены семей революционеров, которые могли действовать открыто и имели некоторые официальные права в глазах представителей власти, оказывали ссыльным куда более существенную помощь, нежели представители Политического Красного Креста, революционных организаций или другие ссыльные. Исследовательница приходит к выводу, что семейная поддержка была крайне важна для ссыльных и их товарищей, а также вносила свой вклад в ежедневную работу революционного «подполья». Люди, не являвшиеся членами политических партий и далеко не всегда принимавшие и разделявшие взгляды своих родных, все же рисковали и помогали им, и эта помощь так или иначе способствовала делу политической борьбы.

В 2016 г. британская исследовательница Сара Бэдкок (сотрудник департамента истории в Университете Ноттингема) опубликовала монографию, посвященную истории ссылки в Восточную Сибирь в 1905–1917 гг.²¹ Следуя в русле новых направлений исторических исследований – «истории эмоций, наказания, боли и болезней», автор считает главной своей

¹⁸ *Turton K.* Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. Vol. 52. 2010, No. 3/4. P. 391–415; *Idem.* The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners // *The Russian Review*. Vol. 69. 2010, No.1. P. 73–92.

¹⁹ *Keep J.L.H.* The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963; *Lincoln W.B.* In War's Dark Shadow: The Russians Before the Great War. Dekalb, 1983; *Geifman A.*, ed. Russia Under the Last Tsar: Opposition and Subversion. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1999.

²⁰ *Clemens B.E.* Bolshevik Women. Cambridge, 1997; *Hillyar A., McDermond J.* Revolutionary Women in Russia, 1870–1917: A Study in Collective Biography. Manchester, 2000; *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, 1978.

²¹ *Badcock S.* A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford, 2016.

задачей изучение субъективного «живого опыта» и анализ «личностных, человеческих и эмпатических аспектов», связанных с пребыванием в ссылке.

Работе над книгой предшествовали архивные изыскания, осуществленные автором в 2006–2008 гг. С. Бэдкок изучала делопроизводственные материалы полицейских и тюремных учреждений, хранящиеся в ГАРФ и РГАСПИ (Москва), сибирских и дальневосточных архивах; активно использовала источники личного происхождения: мемуары, письма и дневники политических заключенных (в основном, материалы, опубликованные в журнале «Каторга и ссылка» (1918–1932)).

Объединив методологические подходы социальной и культурной истории, С. Бэдкок исследовала формирование “множественных идентичностей” у лиц, подвергшихся наказанию, а также значение и опыт насильственного перемещения. В книге подчеркивается, что все ссыльные, политические или уголовные, мужчины или женщины, взрослые или дети, столкнулись с тем, что их личности изменились после испытаний, связанных с пребыванием в ссылке.

Вслед за Э. Гентесом и Э. Шредер С. Бэдкок признает, что, по мнению имперских властей, одной из причин, по которой ссыльные плохо подходили для решения задач колонизации и распространения «русской цивилизации» в Сибири, было отсутствие у них семей, что, в свою очередь, было обусловлено гендерной диспропорцией²². Используя данные из отчетов тюремных инспекторов, а также публикаций А.Д. Марголиса, С. Бэдкок указывает, что в составе ссыльного населения в 1892–1898 гг. доля женщин не превышала 5 %. В 1913 г. среди 6837 чел., содержащихся в иркутских тюрьмах, женщины составляли 2 %. Среди членов семей, добровольно сопровождавших ссыльных в Сибирь, основную массу составляли женщины и дети. В конце XIX в. число таких женщин было достаточно велико, но в начале следующего столетия заметно сократилось, поскольку в 1908 г. государство отказалось возмещать им транспортные расходы.

Британская исследовательница сопоставляет облик и образ жизни женщин из числа политических и уголовных ссыльных; описывает случаи конфликтов между ними. Если характерными чертами уголовниц была моральная распущенность, нечистоплотность, сквернословие, то женщин из числа «политических» современники часто описывали как скромных, незаметных, опрятно и просто одетых, очень самоотверженных, напоминающих «аскетичных христианских мучениц». В этом они напоминали своих предшественниц – нигилисток 1860-х гг., облачавшихся в простую одежду без украшений и безразличных к канонам и требованиям великосветского общества.

Исследовательница сообщает, что в начале XX в. среди заключенных Мальцевской женской тюрьмы в Нерчинском каторжном комплексе оказались многие видные фигуры революционного движения. В 1906–1917 гг. здесь находились М.А. Спиридонова, И.К. Каховская, А.В. Биценко, М.М. Школьник, А.А. Измайлович, Ф.Е. Каплан. В ряде источников описывается их тюремная жизнь, устроенная на началах своего рода «коммуны». Всюду подчеркивается их стремление к повышению своего уровня образования, скромность, самоконтроль, последовательный отказ от сотрудничества с властью. По мнению ряда современных исследователей, ссыльные революционерки следовали образцам поведения, заданным В.Н. Фигнер и Е.К. Брешко-Брешковской, а в художественной литературе ориентиром для них служил образ Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

В одной из глав С. Бэдкок описывает положение женщин (заключенных и добровольно сопровождавших членов семей) в Александровской пересыльной тюрьме в Иркутской губернии, показывая, что наличие семьи не только не облегчало участь ссыльных, но, скорее, усугубляло их страдания²³. Условия жизни осужденных женщин и тех, кто прибыл в Сибирь добровольно, были примерно одинаковыми. Последние проживали возле мест заключения, в бараках тюремного типа, за ними также осуществлялся надзор, а за медицинской помощью

²² *Badcock S. A Prison without Walls...* P. 11.

²³ Там же. P. 54–59.

они обращались к тюремным врачам. Подобно женщинам-заключенным, они вызывали жалость и сочувствие окружающих, и так же быстро подвергались моральному осуждению за любые проступки.

Государство старалось проявить некоторую заботу о членах семей ссыльных. Женщины с детьми получали от государства субсидию в размере 1 руб. 50 коп. в месяц. Со временем в Александровском был открыт родильный приют, построены «семейные бараки» – два деревянных здания, куда помещались наиболее нуждающиеся семьи. Всего в бараках могло разместиться сорок человек, была также открыта больница для детей и ясли. Здания были разделены на восемь отдельных комнат, в каждой была печь для приготовления пищи; имелись отдельные помещения для надзирателей и для больных. Свет, топливо и вода поступали из тюремных корпусов. По свидетельству тюремных инспекторов и сторонних наблюдателей, в бараках царил антисанитария, а материальное положение проживавших в них семей было чрезвычайно тяжелым.

Британский историк Дэниэл Бир (выпускник Кембриджского и Гарвардского университетов, сотрудник Университета Роял Холлоуэй в составе Лондонского университета) в своей монографии, посвященной истории пенитенциарной системы Сибири и Дальнего Востока в XIX – начале XX в., также пишет о проблемах, с которыми сталкивались женщины и члены их семей в условиях сибирской ссылки²⁴.

Опираясь на исследования Р. Уортмана, У. Вагнера, П. Миллер и С.К. Моррисей²⁵, британский историк, подчеркивает, что семьи ссыльных имели большое символическое и практическое значение в Сибири. Они одновременно воплощали в себе моральные добродетели, защиту которых должна была обеспечивать политическая система царской России, и служили аванпостами русской имперской власти. Самодержавие с присущим ему патернализмом санкционировало супружеские и родительские связи, объединявшие между собой все семьи империи.

Ссылаясь на работы М. Фуко²⁶, Д. Бир напоминает, что с конца XVIII в. в Европе вызревали идеи реформирования системы наказаний, оспаривая старые религиозные представления о преступлении как несмываемом грехе. В России в начале царствования Александра II реабилитация осужденных была провозглашена в качестве главной, «гуманной» цели системы ссылки. Вслед за Э. Гентесом и Э. Шредер, Д. Бир подчеркивает, что новый акцент на идее реабилитации также соответствовал более широким «колониальным» амбициям государства. Полноценная колонизация требовала не просто дисциплинированных и трудолюбивых каторжников; она нуждалась в создании экономически продуктивных, устоявшихся сообществ, способных обеспечить развитие торговли, промышленности и культуры. Правительственные чиновники понимали, что превращение ссыльных преступников в законопослушных поселенцев сопряжено с явными трудностями, поэтому они обратили свой взор на институт семьи, сочетая идеалистические установки с прагматическими.

Таким образом, власти видели в семье инструмент реабилитации, залог экономического развития и защиту от социальной нестабильности. Цитируя работу Э. Гентеса²⁷, Д. Бир напоминает, что со времени возникновения ссылки в Сибирь государство рассчитывало на то, что именно женщины будут оказывать «одомашнивающее» влияние на «фронтир». Они были необходимы для умиротворения мужчин, воспитания детей, сохранения стабильного и

²⁴ Beer D. *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. L., 2017.

²⁵ Wortman R. *The Russian Imperial Family as Symbol* // Burbank J., Ransel D.L., eds. *Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Bloomington, 1998. P. 60–86; Wagner W.G. *Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia*. Oxford, 1994; Miller P. *Transformations of Patriarchy in the West, 1500–1900*. Bloomington, 1998; Morrissey S.K. *Suicide and the Body Politic in Imperial Russia*. Cambridge, 2006.

²⁶ Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. N.Y., 1995.

²⁷ См., напр.: Gentes A. “Licentious Girls” and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the Late Sixteenth to the Early Nineteenth Centuries // *Sibirica*. 2003. Vol. 3. No. 1. P. 3–20.

трудоспособного населения колонии. Им предстояло превратить непокорных преступников в трудолюбивых хозяев и законопослушных подданных царя.

Впрочем, женщины не могли в полной мере выполнить возложенные на них функции, поскольку составляли не более 20 % от общего числа ссыльных, ежегодно отправляемых в Сибирь. Определяя удельный вес женщин среди ссыльного населения Сибири, историк приводит сведения из работ Е.Н. Анучина, А.Д. Марголиса, официальных статистических изданий, архивных материалов. Так, по данным Д. Бира, в 1882–1898 гг. в Сибирь для отбывания каторжных работ было прислано 229 тыс. чел. (с членами семей), из них 65 % – мужчины, 10 % – женщины, 25 % – дети.

Тяжелые испытания в равной мере выпадали на долю осужденных женщин и тех, кто добровольно следовал в Сибирь за своими мужьями. Правило, предписывавшее женщинам следовать по этапу отдельно от мужчин, продолжало нарушаться, и зачастую женщины должны были круглосуточно находиться среди закоренелых преступников. Многие ссыльные использовали своих жен в качестве живого товара, передавая их уголовникам в обмен на деньги, водку или покровительство.

Д. Бир уделяет особое внимание положению семей ссыльных на Сахалине, приводит свидетельства современников об ужасных условиях этапирования, высокой детской смертности (Дж. Кеннан, Н.М. Ядринцев), о торговле женщинами и детьми и «развращающей атмосфере», царившей на острове (В.И. Власова, Д.А. Дриль). Историк замечает, что женщин принуждали к сожительству не только осужденные, но и конвоировавшие их солдаты, и сотрудники тюремной охраны. В случае отказа выдвигались обвинения в надуманных преступлениях, затем следовала высылка в отдаленные поселения, где на 2–5 женщин приходилось по несколько десятков бессемейных мужчин²⁸.

Таким образом, в работах современных англо-американских историков-сибиреведов, посвященных истории каторги и ссылки в дореволюционный период, все более пристальное внимание уделяется гендерной проблематике. Опираясь на широкий круг источников (в первую очередь, эго-документов) и применяя теоретико-методологический аппарат таких междисциплинарных научных направлений как «история женщин», «история семьи», «гендерная история», «историческая пенология», англо-американские исследователи (Э. Гентес, Э. Шредер, К. Тертон, С. Бэдкок, Д. Бир и др.) показали изменения, происходившие в пенитенциарной системе Сибири и связанных с ней властных отношениях, через повседневную жизнь ссыльных женщин и членов их семей («история снизу»); сопоставили правовой статус и фактическое положение женщин, отправленных в Сибирь как по решениям судов, так и во внесудебном порядке; изучали биографии известных деятельниц революционного движения и, вместе с тем, призывали «услышать голос» основной массы «рядовых» ссыльных, уголовных и административных; анализировали действия столичных и местных властей, направленные на укрепление института семьи и гендерной иерархии, как оплота патриархального государства, и отслеживали, как менялись гендерные нормы и отношения в условиях сибирской ссылки. Как представляется, теоретико-методологические подходы, предложенные западными исследователями, могут быть «взяты на вооружение» отечественными специалистами, изучающими различные проблемы истории сибирской каторги и ссылки.

Литература

Большакова О.В. История России в гендерном измерении: современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2010. 122 с.

Васильева С.А., Эрлихсон И.М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «интеллектуальной истории» и «истории социальных практик» в междисциплинарных историко-пенологических исследованиях // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 49–56.

²⁸ *Beer D.* The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. L.: Penquine Books, 2017. P. 253–255.

Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – нач. XX в.). Новосибирск: Наука, 1975. С. 38–59.

Максимов С.В. Сибирь и каторга: В 3-х ч. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.

Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 223–237.

Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 126–140.

Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения (Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки). СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. 339 с.

Afkhami, M. (ed.) *Women in Exile*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1994. 208 p.

Badcock S. *A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 195 p.

Beer D. *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. L.: Penquine Books, 2017. 487 p.

Clements B.E. *Bolshevik Women*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 354 p.

Daly J. *Political Crime in Late Imperial Russia* // *The Journal of Modern History*. 2002. 74. No. 1. P. 62–100.

Desind Ph. *Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917*. Lewiston, NY: Edward Mellen Press, 1991. 494 p.

Engel B.A. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 304 p.

Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. N.Y.: Vintage Books, 1995. 333 p.

Geifman A. *Rec. ad op.: Desind Ph. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917*. Lewiston, NY: Edward Mellen Press, 1991. 494 p. // *The Russian Review*. Vol. 52. No. (July, 1993). P. 428–429.

Geifman A., ed. *Russia Under the Last Tsar: Oppression and Subversion*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1999. 324 p.

Gentes A. *Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917*. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island, May, 2002. 591 p.

Gentes A. *Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia* // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. P. 115–37.

Gentes A. “Licentious Girls” and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the Late Sixteenth to the Early Nineteenth Centuries // *Sibirica*. Vol. 3. No. 1. 2003. P. 3–20.

Gentes A. *Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia* // *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East* / Ed. by Eva-Maria Stolberg. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. P. 73–85.

Gentes A. *Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia*. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.

Gentes A. *Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 290 p.

Greene D. *Mid-Nineteenth-Century Domestic Ideology in Russia* // Marsh R., ed. *Women and Russian Culture: Projections and Self-Perceptions*. New York, 1998. P. 79–90.

Hillyar A., McDermond J. *Revolutionary Women in Russia, 1870–1917: A Study in Collective Biography*. Manchester: Manchester University Press, 2000. 256 p.

Hughes R. *The Fatal Shore. A history of the transportation of convicts to Australia, 1787–1868*. New York: Knopf, 1987. 668 p.

Keep J.L.H. *The Rise of Social-Democracy in Russia*. Oxford: Clarendon Press, 1963. 334 p.

Kelly C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 19–84.

Kollmann N. Women's Honor in Early Modern Russia // Clements B.E., Engel B.A., Worobec C.D., eds., *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, 1991. P. 72–73.

Lincoln W.B. In War's Dark Shadow: The Russians Before the Great War. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1983. 574 p.

Miller P. Transformations of Patriarchy in the West, 1500-1900. Bloomington: Indiana University Press, 1998. 397 p.

Morgan P.D. Work and Culture: the Task System and the World of Lowcountry Blacks, 1700 to 1880 // Katz S.N., et al. (eds). *Colonial America: Essays in Politics and Social Development*, 4th ed. New York: McGraw-Hill, 1993. P. 486–523.

Morrissey S.K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 402 p.

Schraeder A. Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860 // *Slavic Review*. Vol. 66. No. 2 (Summer, 2007). P. 230–256.

Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford: Clarendon Press, 1971. 240 p.

Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton: Princeton University Press, 1978. 512 p.

Turton K. Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 2010. Vol. 52. No. 3/4. P. 391–415.

Turton K. The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners // *The Russian Review*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 73–92.

Wagner W.G. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 1994. 428 p.

Wood A. Siberian exile in tsarist Russia // *History today*. 1980. Vol. 30. September. P. 19–24.

Wood A. Sex and Violence in Siberia: Aspects of Tsarist Exile System // *Siberia: two historical perspectives*. London: Great Britain-USSR Association and the School of Slavonic and East European Studies, 1984. P. 23–42.

Wood A. The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia // *Irish Slavonic Studies*. 1985. No. 6. P. 65–81.

Wood A. The Siberian Criminals' Commune // *Sibirica IV*. 1989. P. 40–44.

Wood A. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // *Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*. Ed. Roger Barlett. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 395–414.

Wortman R. The Russian Imperial Family as Symbol // Burbank J., Ransel D.L. (eds.) *Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 60–86.

References

Bolshakova, O.V. (2010). *Istoriya Rossii v gendernom izmerenii: sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya. Analiticheskiy obzor* [History of Russia in Gender Dimension: contemporary foreign historiography. Analytical review]. Moscow, INION RAN. 122 p.

Vasilyeva, S.A., Erlikson, I.M. (2017). “Novaya kulturnaya istoriya” (o perspektive metodologii “intellektual'noy istorii” i “istorii sotsial'nykh praktik” v mezhdistsiplinarnykh istoriko-penologicheskikh issledovaniyakh) [The “New Cultural History” (on the prospects of methodology of “intellectual history” and “history of social practices” in the interdisciplinary historical-penological studies)]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Yesenina*. No. 3 (56), pp.49–56.

Kolesnikov, A.D. (1975). Ssylka i zaselenie Sibiri [Exile and Settlement of Siberia]. In *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachala XX v.)*. Novosibirsk, Nauka, pp. 38–59.

Maksimov, S.V. (1871). *Sibir i katorga* [Siberia and penal labour]: v 3-kh ch. SPb., tip. A. Transhlyaya.

Margolis, A.D. (1978). O chislenosti i razmeshchenii ssylnykh v Sibiri v kontse XIX v. In *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII – nachala XX v.)*. Novosibirsk, Nauka, pp. 126–140.

Salomon, A.P. (1900). *Ssylka v Sibir: ocherk eyo istorii i sovremennogo polozheniya (Dlya Vysochayshe uchrezhdyonnoy komissii o meropriyatiyakh po otmene ssylki)* [Exile to Siberia: essay on its history and present state (For the Highly Approved Commission on Measures to Abolish the Exile)]. SPb., Tipografiya S.-Peterburgskoy tyurmy. 339 p.

Afkhami, M. (Ed.) (1994). *Women in Exile*. Charlottesville: University Press of Virginia. 208 p.

Badcock, S. (2017). *A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*. Oxford, Oxford University Press, 2016. 195 p.

Beer, D. (2017). *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. London, Penquine Books. 487 p.

Clements, B.E. (1997). *Bolshevik Women*. Cambridge, Cambridge University Press. 354 p.

Daly, J. (2002). Political Crime in Late Imperial Russia. In *The Journal of Modern History*. 74. No. 1, pp. 62–100.

Desind, Ph. (1991). *Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917*. Lewiston, New York, Edward Mellen Press. 494 p.

Engel, B.A. (2004). *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.

Foucault, M. (1995). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York, Vintage Books. 333 p.

Geifman, A. (1993). Rec. ad op.: Desind Ph. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917. Lewiston, New York, Edward Mellen Press, 1991. 494 p. In *The Russian Review*. Vol. 52. No. 3, pp. 428–429.

Geifman, A. (Ed.). (1999). *Russia Under the Last Tsar: Opposition and Subversion*. Oxford, Blackwell Publishers Ltd. 324 p.

Gentes, A. (2002). *Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917*. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island. 591 p.

Gentes, A.A. (2003). Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia. In *Ab Imperio*. 2003. No. 2, pp. 115–37.

Gentes, A. (2003). "Licentious Girls" and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the Late Sixteenth to the Early Nineteenth Centuries. In *Sibirica*. Vol. 3. No. 1, pp. 3–20.

Gentes, A. (2005). Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia. In *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East*. Ed. by Eva-Maria Stolberg. Frankfurt am Main: Peter Lang, pp. 73–85.

Gentes, A. (2008). *Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia*. New York: Palgrave Mcmillan. 256 p.

Gentes, A. (2010). *Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61*. New York, Palgrave Macmillan. 290 p.

Greene, D. (1998). Mid-Nineteenth-Century Domestic Ideology in Russia. In *Women and Russian Culture: Projections and Self-Perceptions*. Ed. by Marsh R. New York, pp. 79–90.

Hillyar, A., McDermind J. (2000). *Revolutionary Women in Russia, 1870–1917: A Study in Collective Biography*. Manchester: Manchester University Press. 256 p.

Hughes, R. (1987). *The Fatal Shore: a history of the transportation of convicts to Australia, 1787–1868*. New York, Knopf. 668 p.

Keep, J.L.H. (1963). *The Rise of Social-Democracy in Russia*. Oxford, Clarendon Press. 334 p.

Kelly, C. (2001). *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford, Oxford University Press, pp.19–84.

Kollmann, N. (1991). *Women's Honor in Early Modern Russia*. In *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Ed. by Clements B.E., Engel B.A., Worobec C.D., Berkeley, University of California Press, pp. 72–73.

Lincoln, W.B. (1983). *In War's Dark Shadow: The Russians Before the Great War*. Dekalb, Northern Illinois University Press. 574 p.

Miller, P. (1998). *Transformations of Patriarchy in the West, 1500–1900*. Bloomington: Indiana University Press. 397 p.

Morgan, P.D. (1993). Work and Culture: the Task System and the World of Lowcountry Blacks, 1700 to 1880. In *Colonial America: Essays in Politics and Social Development*. Ed. by Katz S.N., et al. 4th ed. New York, McGraw-Hill, pp. 486–523.

Morrissey, S.K. (2006). *Suicide and the Body Politic in Imperial Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.

Schraeder, A. (2007). Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860. In *Slavic Review*. Vol.66. No. 2, pp. 230–256.

Stephan, J. (1978). *Sakhalin. A History*. Oxford, Clarendon Press, 1971. 240 p.

Stites, R. (1978). *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press. 512 p.

Turton, K. (2010). Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917. In *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. Vol. 52. No. 3/4, pp. 391–415.

Turton, K. (2010). The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners. In *The Russian Review*. Vol. 69. No. 1, pp. 73–92.

Wagner, W.G. (1994). *Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia*. Oxford, Oxford University Press. 428 p.

Wood, A. (1980). Siberian exile in tsarist Russia. In *History today*. Vol. 30, pp. 19–24.

Wood, A. (1984). Sex and Violence in Siberia: Aspects of Tsarist Exile System. In *Siberia: two historical perspectives*. London, Great Britain-USSR Association and the School of Slavonic and East European Studies, pp. 23–42.

Wood, A. (1985). The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia. In *Irish Slavonic Studies*. 6, pp. 65–81.

Wood, A. (1989). The Siberian Criminals' Commune. In *Sibirica IV*, pp. 40–44.

Wood, A. (1990). Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia. In *Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*. Ed. Roger Barlett. New York: St. Martin's Press, pp. 395–414.

Wortman, R. (1998). The Russian Imperial Family as Symbol. In *Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Bloomington: Indiana University Press, pp. 60–86.

Статья поступила в редакцию 05.02.2019 г.